

Совсем, что ли, не осталось годной к постановке драматургии? Зачем было забираться на массивную ореховую стремянку, подсвечивая себе масляной лампой, вытаскивать из туго набитой полки томик Карло Гоцци (1720–1806) и, отряхнув пыль веков, брать ся за постановку малоизвестной пьесы «Женщина-змея» (1762)?

Такие вот мысли посещали меня в душном по летнему времени зале театра имени В.Ф. Комиссаржевской на совсем ещё свежем спектакле «Женщина-змея». Свежем – в смысле недавнем, премьеры состоялась 24 мая этого года, это был четвёртый спектакль. Ощущения же от самого спектакля совсем другие: это тяжело, это трудносмотрябельно, это скучно, наконец.

Карло Гоцци ассоциируется у завзятого театрала, прежде всего, с легендарной постановкой Вахтангова пьесы «Принцесса Турандот» и оперой Пуччини. Считается, что Гоцци, не приемлющий реформирования современного ему театра, создал новый жанр – фьябу, то есть трагикомическую сказку для театра с использованием масок, – в пику своему тёзке Гольдони. За комическую составляющую здесь отвечают маски комедии дель арте, а трагический конфликт возникает между главными действующими лицами из числа господ.

Уже первая театральная сказка Гоцци, «Любовь к трём апельсинам» имела у современников большой успех. «Женщина-змея», ставшая пятой по счету фьябой Гоцци, выдержала, как пишет сам автор в предисловии к ней, «семнадцать удачнейших представлений» в Венеции в октябре 1762 года. Но что хорошо в восемнадцатом веке в Италии, то не всегда может быть адаптировано к восприятию человека века двадцать первого. И ничего стыдного для Гоцци в этом нет. Пушкин вот тоже был современником Державина, только Александра Сергеевича мы читаем и перечитываем, но давно ли мы брали в руки поэтический сборник Гавриила Романовича?

Главные герои в «Женщине-змее» изъясняются исключительно высокопарным белым стихом, для современного слуха чересчур напыщенным и велеречивым, в отличие от масок, использующих незатейливый разговорный жанр. И это понятно, – они же слуги, им только проза и подвластна. Приём не новый, используемый ещё

Шекспиром. Помните сцену, где принц Датский беседует с могильщиками? Еще одна аллюзия на тему «Гамлета» просматривается в сцене разговора принца Фаррускада с «призраком» его отца, которого изображает визирь Тогрул. Но Шекспир – это всё-таки театр переживаний, хоть иногда и фантазмагоричный, а у Гоцци – театр представлений, близкий к площадному. Персонажи могут появиться на один выход и исчезнуть, ткань повествования рвётся, и, если вы ещё можете допустить, что принц ради спасения любимой целует в губы страшную змею (знаем-знаем, наши принцы тоже Спящих царевен поцелуями будили), то даже хорошо развитая фантазия впадает в ступор, когда вам предлагают поверить, что богатый принц влюбляется в... лань, какой бы прекрасной она ни была, да так влюбляется, что следует за ней в пучину морскую. Там он находит целое царство, а лань, конечно, превращается в принцессу, с которой, ничего о ней не зная, и живёт принц целых восемь лет, родив двоих прелестных детей. Может, это намёк, что всякая резвая лань через несколько лет замужества лет становится змеей? Так нет же, не разлюбил Фаррускад свою Керестани, идёт ради неё на тяжкие жертвы.

Сюжет «Женщины-змеи», конечно, о всё преодолевающей любви, но обрамлён он таким количеством запутанных, затянутых и чисто умозрительных историй, что хочется, дождавшись, наконец, антракта, встать и уйти. Что и сделала часть публики, не готовая к придуманному Гоцци «театру в театре», обернувшись в новом прочтении Григория Дитятковского, автора множества вполне успешных постановок в России и за рубежом, в «абсурд в абсурде».

И не сказать, что мало вложено труда и таланта. Актёры «Комиссаржевки» отлично справляются со сложнейшим текстом (одни имена действующих лиц чего стоит выговорить), к декорациям претензий нет, к музыкальному сопровождению и костюмам – никаких. Но всё это вместе никак не складывается, не замешивается из качественных ингредиентов пушистое тесто, не выпекается пирог-волшебство.

Изделие получилось. Пресное, плоское, безвкусное. Как говорится, ни уму, ни сердцу. Добавлю: ни глазу, ни слуху. Уши, кстати, ещё и страдали от часто раздающегося грохота, долженствующего иллюстрировать рассыпанные по тексту авторские реплики: «Гром, молния и землетрясение». Увы, из сложения хорошей музыки, голоса, текста не всегда рождается гармоничный ансамбль.